

III. Пространственно-временные представления средневекового автора

В.Я. Петрухин

ПРОСТРАНСТВО И ВРЕМЯ КИЕВСКОЙ ЛЕГЕНДЫ

Один из заглавных вопросов ПВЛ (в лаврентьевской редакции) как бы разрывает вопрошание о начале Русской земли — «откуда есть пошла Руская земля» и «откуда Руская земля стала есть». Ответ на вопросы о Русской земле содержится в тексте, непосредственно следующем за «вопрошанием», — рассказом о разделении земли между сыновьями Ноя, основанном на Хронографе по великому изложению и Хронике Амартола. Русь «пошла» в Иафетовой части от заморских варягов, и «стала есть» в Восточной Европе среди народов — чудских и балтских данников Руси, как государство.

Ответ же на вопрос о первом киевском князе содержится в ином летописном «дискурсе»: повествовании о расселении словен от Дуная «по мнозех времях» после разделения языков. Сам этот текст осложнен разнообразными вставками, в том числе глоссой о пути из варяг в греки, разрывающей повествование о полянах, живущих на днепровских горах. По сути, подобной глоссой является и комментарий летописца о княжеском достоинстве Кия. После изложения топонимической легенды о горах, прозванных в память о Щеке и Хориве, и об основании ими города, поименованного в честь старшего брата Кия, летописец вступает в полемику с топонимическим преданием, по которому Кий был «перевозником» с «оной стороны Днепра». Он приводит иное предание, согласно которому Кий «княжаше в роде своем» и «ходил к Царюгороду», где принял великую честь «от царя». В Лаврентьевском списке текст об этом царе явно сокращен — в Ипатьевской и Радзивилловской летописях сохранилось признание летописца о том, что этот цесарь — неведомый, «не свемы»¹. Главным доводом в пользу достоверности этого «княжеского» предания оказывается опять-таки топонимика: Кий пожелал после встречи с неведомым царем остановиться на Дунае, где срубил «градок мал», «и не даша ему ту близь живу-

¹ Ср.: ПВЛ. С. 10, 390; ПСРЛ. Т. 2. Стб. 8; ПСРЛ. Т. 38. С. 13.

шии», но «дунайцы» и донныне зовут это «городище Киевецъ». Кию пришлось возвращаться в свой град на Днестре, где он и кончил свою жизнь вместе с братьями.

«И по сих братьи, — продолжает летописец, — держати почаша род их княжене в полях, а в деревлях свое» и т.д. о племенных княжениях у славян. Эти события приурочиваются к дохазарскому периоду славянской истории. Ибо, продолжает летописец после вставок о славянских княжениях, вторжении болгар на Дунай, обычаях славян и прочих языков, поляне «по смерти брате сея быша обидимы древлями и инеми околними. И наидоша я козаре, сидящая на горах сих в лесех, и реша козари: “Платите нам дань”».

Ремарка о полянах, «обидимых» традиционными супостатами Киева, древлянами в Правобережье Днестра, существенна, во-первых, для понимания того, почему «левобережным» хазарам удалось подчинить себе полян, а во-вторых, для уяснения того, почему в фольклоре Кий предстает перевозчиком. И на Дунае славяне оказывали тюркам-кочевникам такие услуги, поставляя для них лодки. Территория же Киева действительно в VIII в. представляла собой анклав левобережной волынцевской культуры, развивавшейся под очевидным хазарским влиянием.

Летописца, однако, интересовали не эти исторические обстоятельства. Далее он приводит рассказ о полянской дани мечами, завершающий космографическое введение к ПВЛ: властители оказались сами рабами, так как «володеють бо козары руський князи и до сего дни»². Космографическое введение продолжается датированной частью летописи, повествующей о начале Русской земли.

Со времен Шахматова признается, что тексты преданий о Киеве и трех братьях относятся к древнейшим пластам русского летописания. В первую очередь это явствует из Новгородской первой летописи (НПЛ), отражающей — вместе с ПВЛ — более ранний Начальный свод. Однако новгородская редакция преданий о Кие существеннейшим образом отличается от редакции ПВЛ — в ней отсутствует рассказ о княжеском достоинстве Кия, истекающего из «факта» его похода на Царьград. Можно было бы предположить, что этот мотив был сознательно изъят новгородцем, который заявлял во вступлении, что расскажет о том, как «преже» была Новгородская волость, и потом Киевская — ведь именно в Новгород были призваны первые — варяжские — князья. Правда, принятие

² ПВЛ. С. 12.

этого довода осложняется последующим пассажем, где говорится о том, что Киев был назван в честь «великого князя», как Рим в честь «Рима» и т.д. Это введение, однако, было составлено не ранее XIII в., так как (в полном соответствии с композицией) НПЛ обещает довести изложение до Алексея (Алексы) и Исаака Ангелов.

Очевидно, что новгородец сокращал текст ПВЛ, ибо и в легенде о призвании варягов он предпослал анахроничное введение, относя призвания ко «временам» Кия, Щека и Хорива, хотя сам же перед этим рассказал о хазарской дани с полян, которую те собирали по смерти братьев. Однако не менее очевидно, что и в ПВЛ рассказ об основании Киева, смерти братьев и нашествии хазар был «распространен» вставками: вставной характер носит, как мы уже предполагали, и полемика летописца о княжеском достоинстве Кия.

Зачем летописцу понадобился этот рассказ? Конечно, можно предположить, что основанием для него были сведения о городище Киевец на Дунае: составителю ПВЛ было известно, что распорядиться городами на Дунае мог лишь «царь» или «великий князь», как это произошло при Мономахе (ПВЛ под 1116 г.)³. То, что топонимика оказывалась основой исторической памяти и историографических конструкций, приходило в голову и Б.А. Рыбакову: «Может возникнуть мысль, что весь рассказ Нестора о Кие (или по крайней мере та его часть, которая повествует о Киевце) навеян наличием созвучного города на Дунае»⁴. Но эту мысль Рыбаков от себя отогнал, оставшись сторонником «исторической школы», напрямую усматривающей за каждым книжным сюжетом исторические или археологические «реалии».

Летописец говорит о княжении «рода» легендарных братьев у полян, не помяная, однако, никаких князей в эпизоде, связанном с хазарской данью — по смерти братьев поляне были обижены соседями.

Последнее свидетельство неслучайно, ибо та же ПВЛ, рассказывая о походе Аскольда и Дира, именуемых боярами призванного в Новгород Рюрика, свидетельствует, что на вопрос варягов: «Чей се градок?», поляне ответили: «Была суть 3 братья, Кий, Щек, Хорив, иже сделаша градоко съ, и изгибоша, и мы седим, *род их*, платяче дань козаром» (Курсив мой. — В.П.)⁵. Аскольд и Дир остались в

³ Ср.: *Алешковский М.Х.* Повесть временных лет. М., 1971. С. 43–44.

⁴ *Рыбаков Б.А.* Древняя Русь: Сказания, былины, летописи. М., 1963. С. 30–31.

⁵ ПВЛ. С. 13.

этом «выморочном» городе и «начаста владети польскою землею» как князья.

Далее происходит известная коллизия, «легитимистские» основания которой очевидны в ПВЛ и неясны в НПЛ: законные наследники Рюрика Олег и Игорь (или один Игорь — в НПЛ) являются из Новгорода в Киев и убивают Аскольда и Дира как узурпаторов, не принадлежащих княжескому роду. Стремление усмотреть вторичность текста ПВЛ по отношению к тексту НПЛ, якобы в большей мере отражающему некий Начальный свод, безосновательны по той причине, что оба эти текста «вторичны». Так, фраза НПЛ — «рече Игорь ко Асколду: “вы неста князя, ни роду княжа, нь аз есмь князь, и мне достоить княжити”» — свидетельствует не о том, что в первоначальном тексте один Игорь противостоял одному Асколду, а о том, что новгородец переиначил текст, известный по ПВЛ, где Олег, как представитель княжеского рода, обращается к двум узурпаторам: об этом свидетельствует двойственное число — «вы неста князя»⁶.

Историческая же реальность — точнее, реалии — являет себя там, где она подлежит «коллективной проверке»: это традиционная для ранних летописных текстов этиологическая концовка, призванная подтвердить достоверность описываемых событий (вспомним о городище Киевец и о самих киевских урочищах). «И убиша Асколда и Дира... и погребоша и на горе, еже ся ныне зоветь Угорьское,

⁶ НПЛ. С. 107. Такому разведению судеб Олега в новгородской и киевской версии, равно как судеб Новгорода и Киева, видимо, способствовала и информация о могиле Олега, которая, согласно, НПЛ, находилась в Ладоге (киевские летописцы знали эту могилу у горы Щекавица: см. *Петрухин. В.Я.* Князь Олег, Хелгу Кембриджского документа и русский княжеский род // ДГ. 1998 г. Памяти члена-корреспондента РАН Анатолия Петровича Новосельцева. М., 2000. С. 222–229). Текст НПЛ о смерти Олега явно представляет собой неудачное сокращение текста ПВЛ, ибо фраза о возвращении Олега из похода на греков (заимствованная из ПВЛ): «И прозваша Олга вещи; и бяху люди погани и невегласи» (НПЛ. С. 109) лишена смысла — новгородцем исключен текст о смерти от коня, а ведь именно он был призван разоблачить невежество почитателей Олега. Неясно, насколько основательной была традиция о могиле Олега в Ладоге: позднее приурочение этого названия к одной из ладожских сопкок вторично — скандинавы не хоронили в словенских сопках. Впрочем, для фольклорной традиции можно предполагать варианты преданий с разными локализациями могилы одного и того же героя или несколько могил, приписываемых одному и тому же лицу (ср.: *Ловмянский Х.* Русь и норманны. М., 1985. С. 143, и книжный сюжет о могилах Хальвдана в «Круге земном»: *Сноппи Стурлусон.* Круг земной. М., 1980. С. 42). Тем не менее, известие о могиле Олега в Ладоге давало новгородскому летописцу основания для создания собственной версии истории Олега.

где ныне Ольмин двор; на той могиле поставил Ольма церковь святого Николу; а Дирова могила за святою Ориною»⁷. Могилы Аскольда и Дира, в отличие от могил легендарных Кия, Щека и Хорива, были хорошо известны в Киеве, во всяком случае, еще в эпоху составления Начального свода. Очевидно, что поляне и «кыяне», не принимавшие участия в призвании варяжских князей по новгородскому «ряду», помнили о курганах Аскольда и Дира, как о могилах своих князей — для бесписьменного периода характерна такая фольклорная память.

Значение этих данных не было оценено, в частности, в текстологических штудиях А.А. Шахматова: исследователь исключил из своей реконструкции Древнейшего киевского свода упоминание конкретных «адресов» этих киевских урочищ — Аскольдовой и Дировой могил⁸. Между тем именно информация, которую содержала историческая память о княжеских могилах, позволяет понять те проблемы, с которыми столкнулись первые русские летописцы при воссоздании самого темного периода начальной русской истории, периода вокняжения первых князей. Фольклорная «генеалогическая» память материализовалась, воплощалась в топонимии, в урочищах. Наследники Олега должны были передать летописцам легенду о призвании варягов — легитимных князей во главе с Рюриком, но в эпоху составления первых сводов в Киеве еще помнили о курганах Аскольда и Дира — урочищах, где они располагались (недаром НПЛ и ПВЛ приводит их точные координаты), и киевляне знали, что то были могилы древних князей⁹.

Кем бы ни были Аскольд и Дир — варяжскими князьями, обосновавшимися на Среднем Днепре до призвания Рюрика, или боярами новгородского князя, киевским князьям и киевскому летописцу (НПЛ вообще не интересовало происхождение Аскольда и Дира) важно было продемонстрировать легитимность правления династии Рюриковичей в Киеве. Для этого необходимо было превратить фольклорную фигуру основателя города — Кия — в первого князя, не оставившего наследников, и поместить рассказ о нем в предысторическую хронографическую часть летописи.

В новгородской версии киевская легенда связана не с дунайской прародиной славян, рассказ о которой был изъят вместе с кос-

⁷ ПВЛ. С. 14.

⁸ Ср.: Шахматов А.А. История русского летописания. СПб., 2002. Т. 1. С. 362.

⁹ Ср.: Ловмянский Х. Русь и норманны. С. 143.

мографическим введением, а со временем призвания варягов — т.е. с началом истории Новгорода, ибо «Новгородская волость» была прежде киевской, как сказано во введении к НПЛ. Отсюда несообразность и сбивчивость первой статьи НПЛ (6362 г.): глава «Начало русской земли» предваряет там киевскую легенду о братьях Кие, Щеке и Хориве, где о Русской земле ничего не говорится, сама же легенда вводится лишней смыслом библейской фразой «живяху кождо родом своим» и т.д., вырванной из контекста космографического введения; поход Руси на Царьград никак не увязывается ни с Киевом, ни с Аскольдом и Диром, хотя и разрывает рассказ о киевской предыстории — предшествует повествованию о смерти Кия и хазарской дани с полян¹⁰ (рассказ о походе руси заимствован из Хронографа по Великому изложению). М.Н. Тихомиров¹¹ специально обратил внимание на несообразность в этой вставке: поход руси отнесен ко времени Михаила III и его матери Ирины, в то время как матерью императора была Феодора, которая действительно возвестила «поклоняние иконам», о чем сообщает НПЛ. Тихомиров предположил, что имя Михаила появилось во вставке в результате работы компилятора, первоначально же речь шла об Ирине (видимо, матери Константина VI, также императрице иконопочитательнице, но правившей после 780 г.); это предположение Тихомиров обосновывал не текстологически, а исходя из исторического, точнее — предысторического контекста киевской легенды: ведь Кий должен был править во времена начальной славянской истории, в эпоху расселения с Дуная, в новгородской же редакции получалось, что он жил во времена призвания варягов. Если так, то новгородский «компилятор» действительно в своей конструкции ориентировался на киевскую легенду ПВЛ, повествующую о древнем князе Кие, и сама конструкция не может относиться к гипотетическому Начальному своду.

Далее в НПЛ говорится о призвании в Новгород варяжских князей и, наконец, о Русской земле, что прозвалась «от варягов». Эта фраза из ПВЛ в новгородской летописи также лишена смысла, ибо русь включалась в число варяжских народов в изъятном новгородцем космографическом введении. Текст НПЛ об Аскольде и Дире очевидно отсылает к тексту ПВЛ, где Аскольд и Дир «придоста» в Киев из Новгорода по пути из варяг в греки. Но новгородцу

¹⁰ Ср.: *Шахматов А.А.* История русского летописания. С. 83–84; *Творогов О.В.* Древнерусские хронографы. Л., 1975. С. 71.

¹¹ *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1979. С. 52–53.

требовалось развести новгородскую и киевскую историю, о чем он заявлял во введении к летописи, противопоставляя Новгородскую волость Киевской. Этот текст НПЛ не раз использовали сторонники исконной династии «Киевичей», к которой приписывали Аскольда и Дира (начиная с Яна Длугоша).

При этом в хронологической статье о начале Русской земли «от Адама» — первой погодной статье ПВЛ (852 г.) — первым «историческим» киевским князем назван, естественно, не Кий, а Олег. Могилы же Аскольда и Дира ставили перед киевским летописцем сложную проблему первенства князей¹². Очевидно, что киевские урочища заставили составителя ПВЛ сконструировать книжный сюжет о доисторическом (дорусском) походе на Царьград и изобразить Кия первым князем — основателем города, в соответствии с традициями средневековой этимологии (используя информацию о Киевце на Дунае и название самого Киева). Сходным образом существование урочища Угорского под Киевом позволило летописцу увязать продвижение венгров в Паннонию с эпохой Олега.

Не могилы князей, а название Киева и киевских горок — Хоревыцы и Щекавыцы стали основой для реконструкции имен трех киевских братьев, обычная для средневековых хроник этимологическая традиция¹³. В явном виде они содержатся в не раз упомянутом введении к НПЛ: «якоже древле царь Рим, назвася и во имя его город Рим... тако ж и в нашей стране зван бысть град великим князем во имя Кия, его же нарицают тако перевозника бывша». Для дискуссии о времени составления этого введения¹⁴ существенно, что полемическая формулировка НПЛ явно отсылает к легенде о княжеском достоинстве Кия в ПВЛ, ибо новгородская летопись такой информации не содержит. Кроме того, наименование Кия «великим князем» связано с традицией «удельного периода», когда формализуется этот титул. Князь Кий нужен был составителю ПВЛ для легитимизации княжения Олега и Игоря, убийц Аскольда и Дира.

* * *

В зачине «Задонщины», повести о Куликовской битве, написанной вскоре после знаменитого Мамаева побоища 1380 г., вели-

¹² Ср.: Там же. С. 51–52.

¹³ Гене Б. История и историческая культура средневекового Запада. М., 2002.

¹⁴ Ср.: Гунтус А.А. Два начала начальной летописи: к истории композиции Повести временных лет // Вереница литер. К 60-летию В.М. Живова. М., 2006. С. 56–96.

кий князь Московский Дмитрий обращается к своему брату, князю Владимиру Андреевичу: «Пойдем, брате, тамо в полунощную страну — жребия Афетова, сына Ноева, от него же родися *русь православная* (курсив мой. — *В.П.*). Взыдем на горы Киевския и посмотрим славного Непра и посмотрим по всей земле Руской. И оттоле на восточную страну — жребий Симова, сына Ноева, от него же родися хиновя — поганые татаровя, бусормановя. Те бо на реке на Каяле одолеша род Афетов. И оттоля Руская земля седит невесела; а от Калатьския рати до Мамаева побоища тугою и печалию покрываша...»¹⁵.

Киев давно перестал быть столицей некогда единого Древнерусского государства, не существовало и политического единства древнерусских земель, разделенных между Ордой и Литвой, и все же Киев оставался центром мира в русской средневековой культуре.

Средневековая культура основывалась на традиции, и «Задонщина» следовала Начальной летописи — Повести временных лет: события на Руси — средоточие всемирной истории, где сходятся судьбы — «жребии» — потомков сыновей Ноя. Жребий Иафета, от которого произошла *Русь*, автор Задонщины вслед за Нестором помещает в полунощной — северной — стороне: таков традиционный библейский взгляд на мир (взгляд из Иерусалима); но историческим центром, откуда смотрят на этот мир герои «Задонщины», остаются Киевские горы. Реальный исторический рубеж, определяющий судьбы Руси — битва на Калке-Каяле, где татары именуются древним именем гуннов (*хиновя*). Легендарный Боян поет в «Задонщине» славу первым киевским князьям, Игорю Рюриковичу, Владимиру Святославичу и Ярославу Владимировичу — предкам Дмитрия Донского: пространство и история (включающая происхождение московского княжеского рода) сходятся в одном центре — Киеве, при том, что сам этот центр реально находился под властью Литвы.

Удивительно то, насколько при общем непонимании ценности и отсутствии живого интереса к памятникам древнерусской культуры в послепетровскую эпоху, сохранился этот взгляд в русской культуре нового времени. Через четыре с половиной столетия после «Задонщины» Н.В. Гоголь, не разделявший в своих произведениях малоросское — украинское — и собственно русское, так же видит

¹⁵ ПЛДР. XIV — середина XV в. Л., 1981. С. 96.

из Киева весь свет, как видел его Нестор-летописец. Сравним текст из «Страшной мести»:

«За Киевом показалось неслыханное чудо. Все паны и гетманы собирались дивиться сему чуду: вдруг стало видимо далеко во все концы света. Вдали засинел лиман, за лиманом разливалось Черное море. Бывалые люди узнали и Крым, горою подымавшийся из моря, и болотный Сиваш. По левую руку видна была земля Галичская. “А это что такое?” допрашивал собравшийся народ старых людей, указывая на далеко мерещившиеся в небе и больше похожие на облака серые и белые верхи. “То Карпатские горы!” говорили старые люди...»¹⁶.

Ю.М. Лотман в работе о пространстве у Гоголя писал в связи с этим пассажем о свойстве вогнутого волшебного пространства, периферия которого как бы поднимается, обнаруживая дальние дали перед наблюдателем, располагающимся в его центре¹⁷. Но и сам Киев расположен на горах, и чудо, открывающееся за Киевом взорам народа в «Страшной мести» в начале самой развязки — гибели колдуна — означает, что событие происходит в центре мира, откуда видно во все стороны света. Сторонний наблюдатель XVI в. — писавший по-латыни Михалон Литвин¹⁸ — приводит подлинное фольклорное свидетельство такого отношения к Киеву, «народную поговорку роксоланов» (характерное для польско-литовской позднесредневековой традиции наименование архаичным этнонимом *русских*, именуемых также рутенами, русинами и обитающих на землях, подвластных Речи Посполитой): с холмов крепости Киева «можно видеть многие другие места». Киевские горы, на которых, по летописной легенде, предрек славу будущему городу Андрей Первозванный, очевидно, в православном сознании (ср. *русь православную* «Задонщины») соотносились со Святыми горами: Святая земля — это место, возвышающееся над всем миром, в эту землю и библейский центр мира — Иерусалим — паломники совершают «восхождение».

В зачине поздней русской былины о монголо-татарском нашествии в Киеве также открывается зрителям «чудо чудное, диво дивное»: «душа красна девица» выходит из Божьей церкви и из городских

¹⁶ Гоголь Н.В. Страшная месть // Собр. соч.: В 8 т. М., 1984. Т. 1. С. 230.

¹⁷ Лотман Ю.М. В школе поэтического слова: Пушкин, Лермонтов, Гоголь. М., 1988. С. 260–261.

¹⁸ Михалон Литвин. О нравах татар, литовцев и москвитян. М., 1994. С. 96. Фрагм. 9.

стен, спускается под «круту гору» по колени в синее море (!), кладет книгу на алтын-камень, читает ее и плачет о грядущей судьбе Киева, осажденного татарами. В былинне объясняется, что красна девица — это сама «мати Божья — Богородица»; в других вариантах былинны плачет «стена мать городовая». В.Я. Пропп возводил этот былинный мотив к образу Богородицы на апсиде Святой Софии Киевской (византийская мозаика XI в.) — «нерушимой стены» и Градодержницы¹⁹. Добавим, что синее море и алтын-камень также не случайны, ибо алтын или алатырь, «бел-горюч камень» русского фольклора, «всем камням отец», стоящий посреди моря-океана — это русский вариант пула земли, где происходят главные события, определяющие судьбы мира (и человека), где растет мировое древо, стоит престол Господень, пребывает сам Господь со святыми и апостолами. Совмещение «пула земли» и Киева, перемещение алатыря и моря к подножию Киевских гор — чудо русской былинны, записанной на р. Мезени в начале XX в., и чудесное видение в повести Гоголя объединяются тем механизмом передачи или, точнее, удержания традиции, который ранее относили к сфере архетипического, в современной же науке принято именовать «ментальностью».

Конечно, этот архетип формировался исторически, прежде всего — в трудах и сознании древнерусских книжников и правящего Русской землей княжеского рода. Текст Начальной летописи, рассказывающий о жребиях сыновей Ноя, сходящихся на Руси, восходит к апокрифической Книге Юбилеев или Малому Бытию. Суть этого текста — в чрезвычайно актуальной для раннего летописания — и древнерусской истории — заповеди, данной в Книге трем братьям Симу, Хаму и Иафету — «не преступати никому же в жребий братень». Эта заповедь была повторена летописцем в связи с распрями трех сыновей Ярослава Мудрого, преступивших в 1072 г. завет отца, который разделил между ними Русскую землю и три города ранее неделимого княжеского домена в Среднем Поднепровье — Киев, Чернигов, Переяславль.

Киев должен был оставаться в руках старшего представителя княжеского рода — старшего брата, и это право подтверждала традиция — записанная Нестором киевская легенда, которая связывает само основание города со старшим братом.

Вопрос: «Кто в Киеве нача первее княжити», вводит первый собственно «исторический» сюжет русской истории, легенда об

¹⁹ *Пропт В.Я.* Русский героический эпос. М., 1958. С. 306.

основании Киева призвана ответить на один из заглавных вопросов летописи²⁰. При этом сама легенда помещена в лишенную летописных дат вводную — космографическую часть летописи, которая начинается повествованием о расселении потомков трех сыновей Ноя, среди них — славян, в том числе киевских полян, потомков Иафета, от Дуная. Космографическое введение к летописи насыщено легендарными мотивами, в том числе и очевидно фольклорного происхождения: к таковым относится общеславянское предание о Дунае как главном мифоэпическом рубеже, об аварах-обрах, которые угнетали славян, были горды и велики телом, и Бог истребил их, как библейских допотопных великанов; «обры» действительно стали древними великанами в славянском фольклоре.

Во введении к НПЛ, которое Шахматов считал принадлежащим Начальному своду, предшествующему ПВЛ, Кий именуется «великим князем», а затем «перевозчиком» и «ловцом», что явно отсылает к некоему тексту, где это противопоставление было бы как-то прояснено. Этот текст и содержится в легенде ПВЛ о Кие, Щеке и Хориве, где говорится, что Кий был князем, а не перевозчиком, и ходил на Царьград, но он был изъят из варианта киевской легенды новгородской летописи, где Кий князем не именуется. Можно понять, почему новгородец изъят, казалось бы, актуальный для него рассказ о походе Кия на Царьград и получении им княжеских почестей от царя: ведь киевская легенда перемещена в НПЛ из вводной части в летописную — статью 6362 г., повествующую о царствовании Михаила III, но при нем на Царьград ходил не Кий, а Аскольд и Дир, о чем и рассказывается в той же статье НПЛ²¹. Во введении к НПЛ мы имеем дело не с изначальным «фольклорным мотивом», а с характерной для древней книжности этимологической конструкцией: как Рим был назван «во имя» царя Рима, Антиохия в честь Антиоха, и Александрия в честь Александра, «также ж и в нашей стране зван бысть град великим князем во имя Кия, его же нарицают тако перевозника бывша; иней же: ловы деяше около города». Заметим, что среди столиц не назван Царьград — Константинополь, хотя Константин был образцом правителя в конструкциях русских книжников: предисловие, как и пишет его автор, было составлено

²⁰ *Петрухин В.Я.* Как начиналась Начальная летопись? // ТОДРЛ. СПб., 2006. Т. LVII. С. 33–41.

²¹ Ср.: *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. С. 51–53.

после царствования «Александра и Исакия»²² — взятия Царьграда фрягами в 1204 г.

Исходным для новгородского летописца был текст ПВЛ — но был ли он «фольклорным», а не результатом традиционной этимологической конструкции, производящей из топонима Киев его эпонимического основателя Кия? Опирался ли этот текст на «былинном» мотиве похода на Царьград и попытке Кия закрепиться в Киевце на Дунае, чего ему не позволили «дунайцы», так что лишь городище Киевца сохранилось от этого деяния? Исторические «реалии» этого текста волновали уже редакторов ПВЛ: в киевской легенде Ипатьевской летописи, вместо неуклюжего текста Лаврентьевской, где Кий «велику честь приял от царя, при котором приходив цари»²³, говорится, что Кий «велику честь приял есть от царя, которого не вем»²⁴. Отметим, что Ипатьевская редакция концентрировалась на вопросе не о том, кто первым княжил в Киеве, а о том, кто первым начал княжить в Русской земле, и проблема основания Киева не была для нее настолько актуальной, насколько она была значима для Лаврентьевской; для НПЛ мотив дунайского похода был нерелевантен, поскольку Кий и так приравнялся Ромулу («Риму») и Александру.

Исторические «факты» для реконструкции деяний и самого образа Кия остаются во всех вариантах киевской легенды стереотипными для средневековой хронографии: как правитель он должен был основывать города²⁵ — Киевца (городище) на Дунае и Киев на Днепре свидетельствуют о его деяниях. Эти построения целиком соответствуют вполне очевидной для ПВЛ тенденции — стремлению увязать историю киевских полян с Дунаем, где они должны были среди прочих дунайских славян получить письменность от Кирилла и Мефодия (анахроническая статья 898 г.). Тем не менее, в историографии продолжают существовать схемы, продолжающие конструкции средневекового книжника: киевская легенда считается наследием древнего славянского фольклора (передаваемого какими-то «языческими волхвами»²⁶) или отражением исторических реалий,

²² НПЛ. С. 104.

²³ ПВЛ. С. 9.

²⁴ ПСРЛ. Т. 2. Стб. 8.

²⁵ Ср.: Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь и Нижнее Подунавье. М., 2000. С. 28–29; Мельникова Е.А. Историческая память в устной и письменной традициях (Повесть временных лет и Сага об Инглингах) // ДГ. 2001 г. Историческая память и формы ее воплощения. М., 2003. С. 70–72.

²⁶ Ср.: Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь. С. 32.

сохраняемых исторической памятью на протяжении столетий — в построениях «исторической школы» Б.А. Рыбакова. При этом большая часть исследователей сходится на том существенном обстоятельстве, на которое указывал еще С.М. Соловьев: основой летописной конструкции были известия о городище Киевец на Дунае, сохранявшемся до начала XII в., когда составлялась ПВЛ.

Как уже говорилось, и Б.А. Рыбаков уловил «хорографическую» систему, на которую мог опираться летописец: параллелизм болгарско-дунайской столицы Преслав, Переяславца на Дунае, где хотел основать центр своей державы Святослав, Переяславля на Днепре и соответственно Киевца на Дунае и Киева на Днепре, но он прямо отнес эту систему в праславянскую древность, связав дунайские города с походами антов VI в. на Византию. Указал он (вслед за В.Г. Васильевским) и на наиболее созвучный Киеву пункт на Нижнем Дунае — город *Cius*²⁷. Попытки напрямую соотнести данные киевской археологии с летописными, неоднократно предпринимавшиеся и после работ Б.А. Рыбакова, не выдерживают критики — ранние додревнерусские поселения или монетные находки на территории Киева не имеют прямого отношения к истории города; эти остатки не могут свидетельствовать о существовании Киева за полтысячелетия до возникновения других русских городов (прежде всего, с точки зрения теории общественно-экономических формаций, которой придерживались исследователи, праздновавшие в советские годы 1500 летний юбилей Киева)²⁸.

Более реалистичные исследователи признают, что эта система не могла быть известна в Киеве до походов Святослава в 970-е гг. В.Б. Перхавко подробно изучил историографию проблемы и материалы, известные из Киуса/Циуса — исходно римской крепостцы на Дунайском лимесе, основанной в III в. на месте гето-фракийского поселения. Однако по археологическим данным этот город продолжал существовать в VIII–XI вв.²⁹ — т.е. не стал городищем, упомянутым ПВЛ. Впрочем, прямолинейное соотнесение данных археологии с историческими «реалиями» рискованно.

Возвращаясь к летописи, нельзя не заметить, что информация о Киевце отсутствует в НПЛ, а стало быть, и в реконструируемом

²⁷ Рыбаков Б.А. Древняя Русь. С. 30–31.

²⁸ Ср. из последних работ: *Комар А.* К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева // *Ruthenica*. Київ, 2005. Т. IV. С. 132–134; *Sahaidak M.* Medieval Kiev from perspective of an Archaeological Study of the Podol District // *Ruthenica*. Т. IV. P. 138 ff.

²⁹ Коновалова И.Г., Перхавко В.Б. Древняя Русь. С. 27–29.

Шахматовым Начальном своде конца XI в. Если городище Киевец стало известно лишь составителю ПВЛ, то информация о нем могла достичь его только во время дунайских деяний Мономаха (захват городов на Нижнем Дунае в 1116 г.). Созвучие имен дунайского городища и Киева, подкрепленное известной летописцу ассоциацией Переяславец — Переяславль (город на рубеже собственно Русской земли), равно как и договор Святослава с греками, способствовали конструированию летописного текста о дунайском походе Кия; он должен был дезавуировать фольклорную легенду о Кие — перевознике. Вместе с тем, очевидно, что летописец не следовал собственным домыслам или некоему фольклорному тексту: ранняя история, точнее — предыстория Киева является плодом ученой этимологической конструкции.

Раскопки последних лет в Киеве показали, что традиционное отнесение начального города к поселению «на горе» не имеет определенных исторических оснований. На горе располагался киевский некрополь X в. Древнейшие городские кварталы обнаружены на Подоле³⁰. Насколько анахроничным в таком случае следует считать летописный рассказ о древлянском посольстве к Ольге, которое прибыло по воде к Боричеву спуску, «бе бо тогда вода текущи въздоле горы Киевския, а на подольи не седяху людье, но на горе»?³¹ Последующий летописный текст по киевской топографии проясняет ситуацию: Владимир ставит кумиров «на холму вне двора теремного»³². На горе рядом с дружинным некрополем располагался лишь княжеский **двор**. Вероятно, неслучайно и Ярополк должен был укрываться от варягов Владимира не в самом Киеве, а в более укрепленном Родне на крутом мысу в устье Роси (городище Княжья гора). Это позволяет еще раз вернуться к значению скандинавского наименования Киева *Kaenugarðr* с формантом *garðr*, «укрепленный двор», и значению наименования всей Руси — «Гарды»: возможно, это наименование обязано своему появлению не только топографии Новгорода и поселений Поволховья³³. Исто-

³⁰ Ср.: Зоценко В. Скандинавские древности и топография Киева «дружинного периода» // *Ruthenica*. Київ, 2003. Т. II. С. 26–52; Комар А. К дискуссии о происхождении и ранних фазах истории Киева. С. 132–134; *Sahaidak M. Medieval Kiev*. P. 138 ff.

³¹ ПВЛ. С. 27.

³² Там же. С. 37.

³³ Ср.: Джаксон Т.Н. *Austr í Görðum: Древнерусские топонимы в древнескандинавских источниках*. М., 2001. С. 57–58.

рическую основу обнаруживает и другая традиционная этимология скандинавского наименования Киева: от *kæna* — «лодка особого вида», *Kænugarðr* — «укрепленный двор, к которому прибывали лодки»³⁴, ситуация, соответствующая последним открытиям на Подоле, который регулярно заливался при разливах.

³⁴ Там же. С. 58.